

В. А. Богородицкий

**Лекции по общему
языковедению**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 81
ББК 81
В11

В11 **В. А. Богородицкий**
Лекции по общему языковедению / В. А. Богородицкий – М.: Книга по Требо-
ванию, 2026. – 256 с.

ISBN 978-5-458-55334-6

ISBN 978-5-458-55334-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Оглавленіе.

	Стр.
Предисловіе.	I—II
Оглавленіе	III—IV
Ленція 1-ая. Наука о языкѣ и ея положеніе въ кругу историко-культурныхъ наукъ; общая характеристика природы языка; вопросы чистаго и прикладнаго языковѣдѣнія	3—12
Ленція 2-ая. Физиологія звуковъ рѣчи: главныя части говорильнаго аппарата. Функція ихъ; акустика звуковъ.	13—35
Ленція 3-ья. Классификація гласныхъ звуковъ у нѣмецкихъ и англійскихъ фонетиковъ. Классификація согласныхъ	36—54
Ленція 4-ая. Физиологія звукоочетаній. Объ измѣненіи звуковъ	55—64
Ленція 5-ая. Физиологія произношенія языковъ французскаго, англійскаго и нѣмецкаго сравнительно съ русскимъ	65—75
Ленція 6-ая. О звуковыхъ законахъ	76—80
Ленція 7-ая. Главнѣйшія звуковыя соотвѣтствія въ аріо-европейскихъ языкахъ	81—90
Ленція 8-ая. Развѣтіе дѣтской рѣчи. Замѣчанія о происхожденіи человѣческаго языка.	91—101
Ленція 9-ая. Психофизиологія рѣчи	102—111
Ленція 10-ая. Морфологическій анализъ словъ въ психологическомъ освѣщеніи.	112—117

Лекція 11-ая. Основные факторы морфологическаго развитія языка. Замѣчанія по семасіологін	118—129
Лекція 12-ая. Введеніе въ синтаксическое изученіе языка	130—143
Лекція 13-ая. Психо-фізіологическое изученіе индивидуальныхъ явленій рѣчи	144—178
Лекція 14-ая. Объ изученіи и преподаваніи роднаго языка и иностранныхъ	179—203
Лекція 15-ая. Діалектическое развитіе языка. Обзоръ языковъ аріо-европейскаго семейства	204—215
Лекція 16-ая. Семейства и типы языковъ и ихъ характеристика	216—228
Лекція 17-ая. Возсозданіе первобытной аріо-европейской культуры и послѣдующаго ея развитія	229—246
Важнѣйшія опечатки	247

Лекція 1-ая.

Наука о языкѣ и ея положеніе въ кругу историко-культурныхъ наукъ; общая характеристика природы языка; вопросы чистаго и прикладнаго языковѣдѣнія.

Наука о языкѣ или лингвистика, имѣя значеніе сама по себѣ въ области человѣческаго знанія, такъ какъ безъ изученія явленія рѣчи не можетъ быть полноты міропониманія, представляетъ особенную важность въ ряду филологическихъ наукъ какъ самостоятельная наука, такъ и по своимъ обширнымъ приложеніямъ: она знакомитъ съ родствомъ языковъ и народовъ, съ сравнительно-генетическимъ методомъ, получающимъ все болѣе широкое примѣненіе въ гуманитарныхъ наукахъ, наиболѣе же строго примѣняемымъ именно въ языковѣдѣніи, представляетъ важность и нѣкоторыми своими прикладными отдѣлами. Въ виду такой сложности науки о языкѣ возникла пропедевтическая дисциплина подъ названіемъ Общаго языковѣдѣнія или Введенія въ языковѣдѣніе, выясняющая основные вопросы науки о языкѣ. Къ ознакомленію съ этой дисциплиной мы и приступимъ, предварительно сдѣлавъ нѣкоторыя общія замѣчанія съ цѣлью облегчить дальнѣйшее изложеніе ея.

Прежде всего нужно уяснить природу самаго языка, а для этого должно оставить взглядъ на языкъ, какъ на сочетаніе буквъ, изъ которыхъ складывается письменность, и имѣть въ виду *живую рѣчь*. Въ этомъ смыслѣ языкъ есть

средство общѣна мыслей (т. е. средство передавать свою мысль другимъ и воспринимать чужую) *наиболѣе совершенное* по сравненію съ гораздо менѣе совершеннымъ—жестами. При этомъ общѣнѣ словъ нашей рѣчи являются символами или знаками для выраженія понятій и мыслей. Не трудно понять, что это—наиболѣе удобные символы. Въ самомъ дѣлѣ, что всего легче можетъ служить въ качествѣ таковыхъ для передачи того изобилія понятій и представленій, которыя проходятъ въ нашемъ умѣ? Очевидно, нѣчто такое, что было бы *весьма разнообразно*, а вмѣстѣ съ тѣмъ съ одной стороны—*легко производимо*, а съ другой—*легко улавливаемо* или воспринимавемо другими. Невольно изумляешься передъ тѣмъ, какъ удачно пришло человѣчество къ тому, чтобы воспользоваться такими легкими для производства и воспріятія символами, какіе представляетъ собою звуковая рѣчь; вмѣстѣ съ тѣмъ эти символы, состоящіе изъ звукосочетаній произносимыхъ и слышимыхъ, по разнообразію звуковыхъ элементовъ вполнѣ достаточныхъ для обозначенія разнообразныхъ предметовъ міра, легко переходятъ въ *безсознательную дѣятельность*, что также чрезвычайно важно, потому что они въ такомъ случаѣ уже не затрудняютъ хода мысли. Что же касается жестовъ, то, пока еще человѣческій языкъ былъ слишкомъ недостаточно развитъ, они могли играть довольно значительную роль, но съ развитіемъ языка значеніе ихъ ослабѣло, такъ какъ они не могли дать такого разнообразія и не были столь удобными символами при передачѣ мысли, какъ звуковая рѣчь; поэтому теперь жесты, какъ символы, имѣютъ лишь побочное значеніе, сопровождая и дополняя живую рѣчь.

Уяснивши себѣ значеніе словъ, какъ наиболѣе удобныхъ символовъ или знаковъ мысли, мы остановимся теперь нѣсколько подробнѣе на самомъ процессѣ живой рѣчи, предполагающемъ говорящаго и слушающаго. Словесный языкъ или разговоръ, соединяющій говорящаго и слушающаго, возможенъ прежде всего при наличности *объективнаго момента*,

каковой представляют колебательныя состоянія воздушной среды, вызываемыя дѣйствіемъ органовъ произношенія говорящихъ и воспринимаемыя слухомъ участниковъ разговора; но при этомъ необходимо и другое условіе, именно: словесный языкъ можетъ служить посредникомъ между говорящими лишь тогда, когда въ ихъ умѣ съ одними и тѣми же словами *ассоцируются* или связываются *сходныя представленія*. Нужно прибавить, что языковой процессъ не одинъ и тотъ же у говорящаго и слушающаго: у *говорящаго* рѣчь есть функція мысли, такъ какъ у него мысль ищетъ соотвѣтствующаго словеснаго выраженія изъ запаса словъ и оборотовъ, хранящихся его памятью; у *слушающаго* же наоборотъ—мысль есть функція рѣчи или, точнѣе, слуховыхъ представленій, возбужденныхъ у него слышимую рѣчью; короче: въ процессъ рѣчи у говорящаго мысль какъ бы ведетъ за собою слова, у слушающаго же—наоборотъ—подъ вліяніемъ словъ складываются мысли. Но, какъ мы уже сказали, все это возможно лишь тогда, когда одинаковыя слова ассоціированы въ умѣ говорящаго и слушающаго съ одинаковыми понятіями, и слѣд. лишь тогда возможна *объединяющая* или *общественная* роль языка; это становится прямо осязательнымъ, когда мы попадаемъ въ среду, говорящую на неизвѣстномъ намъ языкѣ. Одинаковость языка, объединяя людей въ общей дѣятельности, становится такимъ образомъ социологическимъ факторомъ первѣйшей важности.

Однако только что представленное разъясненіе процесса разговора было бы далеко не полнымъ, если бы мы ограничились взглядомъ на языкъ какъ на *простой размѣнъ словъ* для выраженія мыслей; въ дѣйствительности сущность этого процесса глубже, такъ какъ всякій и даже самый обыкновенный разговоръ представляетъ собою творчество: говорящій выбираетъ наиболѣе соотвѣтствующія выраженія, а слушающій старается не только уловить вѣрнѣе смыслъ воспринимаемой рѣчи, но и создать, по возможности, творческой силой фан-

такім образъ, соотвѣтствующій слышимымъ словамъ. Творчество это какъ у говорящаго, такъ и у слушающаго, идетъ не всегда одинаково успѣшно: при сильномъ подъемѣ душевной энергіи оно совершается наиболѣе успѣшно,—тогда у говорящаго удачнѣе подбираются слова и даже создаются новыя, рѣчь становится выразительнѣе, а у слушающаго глубже затрогивается соотвѣтствующій міръ понятій и представленій и рельефнѣе вырисовываются образы. Даже у дѣтей, когда они приобрѣтаютъ рѣчь, процессъ является не простымъ усвоеніемъ матеріала, но вмѣстѣ и творчествомъ: усваивая слова, дѣти сами пробуютъ образовывать по нимъ другія, хотя бы и съ ошибками. Такъ какъ, далѣе, словесное творчество говорящаго, воплощая въ словѣ новыя комбинаціи идей, все-таки оставляетъ многое не высказаннымъ, то творчество слушающаго должно дополнять эти пробѣлы, а это легко ведетъ къ частичному непониманію, тѣмъ болѣе что представленія и понятія каждаго складываются своимъ путемъ и потому не могутъ быть у разныхъ лицъ вполне тождественными. ¹⁾

¹⁾ На рѣчь съ указанной здѣсь точки зрѣнія, т. е. какъ на процессъ и творчество, смотрѣлъ уже основатель общаго языковѣдѣнія—нѣмецкій ученый первой половины прошлаго столѣтія В. Гумбольдтъ, говорившій, что языкъ есть не *ѣрсу*, а *ѣверука* (не фактъ, а дѣятельность); а та черта словеснаго языка, что мысль въ умѣ говорящаго и слушающаго не можетъ быть вполне тождественною, дала поводъ тому же ученому высказать, что рѣчь представляетъ сочетаніе пониманія съ непониманіемъ (см. *О различныхъ организмахъ человеческого языка и о вліяніи этого различія на умственное развитіе человеческого рода*. Посмертное сочиненіе Вильгельма фонъ-Гумбольдта. Введеніе во всеобщее языкованіе. Переводъ П. Виларскаго. СПб. 1859, стр. 40, 62). Мы особенно рекомендуемъ читателю прочитать и продумать въ указанномъ сочиненіи § 9 (стр. 47—63), озаглавленный «Природа и существенныя свойства языка». Укажемъ также на превосходныя страницы о возрѣніяхъ В. Гумбольдта на языкъ—въ сочиненіи покойнаго проф. Харьковскаго ун-та А. А. Потебни «Мысль и языкъ» (2-е изд., Харьковъ 1892, гл. III, стр. 27—48).

Въ послѣднемъ обстоятельствѣ можно видѣть едва ли не основной факторъ прогресса языка, такъ какъ говорящій естественно стремится высказываться такимъ образомъ, чтобы его полнѣе и лучше поняли; въ то же время нетождество пониманія, вызывая столкновеніе мнѣній, является лучшимъ средствомъ для контроля за самою правильностью мысли. Прогрессъ языка въ исторіи человѣчества будетъ намъ особенно нагляденъ, если сравнимъ языкъ какихъ-нибудь дикарей, иногда не имѣющихъ даже особыхъ названій для чиселъ дальше четырехъ или пяти, съ литературнымъ языкомъ народовъ, достигшихъ высокой ступени развитія, при чемъ—повторимъ—главный факторъ этого мощнаго развитія языка заключается въ стремленіи говорящаго къ тому, чтобы въ умѣ слушающаго какъ можно полнѣе отразилась та же мысль; а эта тенденція въ свою очередь основывается на природномъ стремленіи къ обществу. Можно думать, что и самыя начатки языка не вызваны лишь одною нуждою во взаимной помощи, но лежатъ въ томъ же природномъ стремленіи людей къ обществу.

Далѣе, прогрессъ языка тѣсно связанъ съ прогрессомъ *цивилизаци*, такъ какъ появленіе у человѣка новыхъ идей и понятій неизмѣнно сопровождается появленіемъ новыхъ словъ и выраженій; такимъ образомъ языкъ является какъ бы лѣтописью пережитой культурной и соціальной исторіи даннаго народа. Отсюда становится намъ понятною и любовь *каждаго* народа къ своему языку, которымъ говорили отцы и дѣды; каждый человѣкъ легче и лучше мыслить и излагаетъ свои мысли при помощи словъ того языка, къ которому привыкъ съ дѣтства. Поэтому-то угнетеніе языка народности было бы не только тѣмъ, несправедливымъ и жестокимъ запретомъ на свободу слова, который столь художественно представленъ гр. А. Толстымъ въ его повѣсти „Іоаннъ Дамаскинъ“, но сопровождалось бы ущербомъ и вообще для челоѣческой культуры. Для лучшаго уясненія себѣ этого пункта обратимъ

вниманіе хотя бы на то обстоятельство, что сходныя слова-понятія въ разныхъ языкахъ представляютъ нерѣдко различіе не только по своему образованію, но вмѣстѣ съ тѣмъ и по оттѣнку или нюансу мысли (такъ, напр., русское слово „причина“ и нѣм. „Ursache“ не покрываются вполне одно другимъ, представляя нѣкоторое различіе по своему, такъ сказать, смысловому тембру), при чемъ это различіе способно возбуждать своеобразіе въ направленіи мысли. Такимъ образомъ, различіе языковъ заставляетъ человѣчество идти къ истинѣ какъ бы разными путями, освѣщая ее съ разныхъ точекъ зрѣнія, а это служитъ залогомъ наиболѣе полнаго достиженія истины, а не односторонняго. ¹⁾

Нашъ языкъ не только служитъ для выраженія мыслей, онъ въ значительной мѣрѣ является и орудіемъ мысли. Уже самое существованіе словъ, какъ нѣкоторыхъ объективныхъ символовъ, содѣйствуетъ переходу нашихъ представлений изъ низшихъ стадій въ высшія, расплывчатыхъ и легко теряющихся представлений—въ болѣе устойчивыя и фиксированныя въ словѣ понятія, а чрезъ то и самое мышленіе пріобрѣтаетъ опредѣленность и ясность. ²⁾ Но роль языка не ограничивается этимъ; приспособляясь къ развивающейся мысли, онъ служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ показателемъ успѣховъ классифицирующей дѣятельности ума. Для примѣра остановимся на роли суффиксовъ по отношенію къ нашему языковому мышленію. Въ нашемъ умѣ явленія и предметы міра классифицируются въ группы, которыя закрѣпляются въ языкѣ при помощи суффиксовъ; такъ, напр., суф. *-тель* обозначаетъ разнаго рода дѣятелей, *-іе* или *-іе*—дѣйствія, даже такая частная группа, какъ ягоды, отмѣчена особымъ суффиксомъ *-іка* или *-ніка* (въ разныхъ языкахъ аяготъ рода группировка можетъ представлять большія или меньшія отличія). Та-

¹⁾ Срв. В. Гумбольдтъ, уѣ соч., стр. 31.

²⁾ Срв. такъ же, стр. 51.

вѣмъ образомъ элементы языка воплощаютъ успѣхи познающей мысли и въ свою очередь служатъ исходною точкою для послѣдующаго развитія ея; ¹⁾ безъ такого фиксирующаго свойства языка въ человѣчествѣ не могла бы развиваться ни одна наука.

Въ заключеніе общихъ замѣчаній о природѣ и роли языка мы должны замѣтить, что не всѣ движенія нашей психики могутъ воплощаться въ простомъ словѣ; нѣкоторые изъ нихъ требуютъ для своего воплощенія участія искусствъ, напр. музыки, живописи, поэзіи. Языкъ съ своей стороны даетъ возможность удовлетворять этимъ художественнымъ стремленіямъ человѣка, такъ какъ содержитъ въ себѣ кромѣ звуковъ рѣчи также элементы ритма, музыкальности, созвучій, которые, придавая слову красоту, позволяютъ ему принимать художественное развитіе. Такимъ образомъ уже въ самой природѣ языка содержатся элементы для возникновенія и развитія *поэзіи* или языка художественнаго, приспособляющагося къ развитію художественной мысли, подобно тому какъ языкъ научный или *прозы* приспособляется къ успѣхамъ научной мысли. ²⁾

Разсматривая природу языка и основныя свойства его, мы не коснулись еще его весьма важной черты—измѣнчивости во времени и пространствѣ, благодаря которой и получилось въ теченіе вѣковъ все языковое многообразіе, какое видимъ теперь на земномъ шарѣ. Главнѣйшими факторами

¹⁾ Дети, учась родному языку, безсознательно усваиваютъ и всѣ эти результаты классифицирующей мысли своего народа, такъ что изученіе языка является для нихъ какъ бы школой естественной логики ума. Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что въ настоящее время и наука логически старается сблизиться съ наукой о языкѣ. Въ другомъ мѣстѣ я разъясняю вліяніе, которое должно было оказывать слово на развитіе философской мысли (см. мои Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку, 1910², стр. 327).

²⁾ См. тамъ же—очеркъ 20-й подъ заглавіемъ «Психологія поэтическаго творчества въ соотношеніи съ научнымъ».

этой измѣнчивости языка и связаннаго съ нею *діалектическаго роста языковъ* являются смѣна генераціи и расселеніе племенъ, вступающихъ при этомъ въ новыя условія. ¹⁾ Въ настоящее время наука о языкѣ распредѣляетъ всѣ языки земнаго шара на рядъ отдѣльныхъ семействъ (напр. аріо-европейское, угро-финское, турецко-татарское и цѣлый рядъ другихъ въ разныхъ частяхъ свѣта), настолько различныхъ, что оказывается не возможнымъ обнаружить родство между ними и, слѣдовательно, одно общее ихъ происхожденіе, хотя со временемъ, быть можетъ, и удастся открыть родство по крайней мѣрѣ между нѣкоторыми изъ нихъ. Каждое [изъ этихъ семействъ въ свою очередь распадается на языки, нарѣчія и говоры. Такъ, къ аріо-европейскому семейству принадлежатъ сохранившіеся въ письменности древніе языки—санскритскій, древне-греческій, латинскій и проч.; изъ современныхъ языковъ этого семейства назовемъ, напр., романскіе, германскіе, славянскіе и др. Родство между языками, образующими то или другое семейство, языковѣдѣніе доказываетъ путемъ сопоставленія ихъ словъ и грамматическихъ формъ, что и составляетъ предметъ сравнительной грамматики этихъ языковъ.

Ознакомившись съ природою языка, какъ объекта лингвистическихъ изученій, мы обратимся къ самой наукѣ о языкѣ и укажемъ на главныя ея подраздѣленія. Языковѣдѣніе распадается прежде всего на *чистое* и *прикладное*. Въ область чистаго языковѣдѣнія входитъ сравнительно-историческое изученіе языковъ того или другаго семейства, какъ со стороны грамматическаго строя, такъ и лексическаго запаса (т. е. запаса словъ). Сложность подобныхъ изслѣдованій станетъ для насъ понятной, если предварительно представимъ себѣ лингвистическое изученіе одного отдѣльнаго языка. Сю-

¹⁾ Подробнѣе о вліяніи этихъ факторовъ см. въ нашемъ Краткомъ очеркѣ діалектологіи и исторіи русскаго языка (1910)—начальныя страницы.